

16+

Кристина Устинова

Министерство пропаганды и цензуры

Кристина Устинова Министерство пропаганды и цензуры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67392563

SelfPub; 2022

Аннотация

Обычный семьянин и трудяга Гоц Кёлер работает в министерстве пропаганды и цензуры – в отделении, которое спасает народ одной маленькой страны от культурного разложения. Однако мирной жизни наступает конец, когда он узнает неприятный секрет друга. Более того, его дочь бунтует против правительства. Теперь главная задача – не попасть в тюрьму. Удаться ли Кёлеру избежать наказания и сохранить честь своей семьи?

Содержание

глава 1	5
глава 2	9
глава 3	12
глава 4	16
глава 5	20
глава 6	23
глава 7	26
глава 8	29
глава 9	33
глава 10	36
глава 11	38
глава 12	40

Кристина Устинова

Министерство

пропаганды и цензуры

Арбайтенграунд (Центральный округ). Лето, 1987 год.

глава 1

Начну с того, как в пятницу двадцать второго июня мы сидели в фойе возле кабинета министра пропаганды и цензуры, курили. Со мной, помню, были Анселл Битнер, цензор книг, Орэль Гирш, цензор пьес и отечественных сценариев, и я, цензор зарубежного кино.

Итак, мы сидели и разговаривали, пока ко мне не подошёл уже немолодой секретарь Фредж.

– Кёлер, пришла доставка из Восточной Европы.

– Какой страны?

– Из Югославии, Чехии и Польши.

Я встал и потушил сигарету. Анселл усмехнулся.

– Много работы, не везёт.

– Потом расскажешь нам о фильмах, – сказал Орэль, и его глаза заблестели.

Я пошёл по длинному коридору в свой кабинет, который состоял из двух смежных комнат. Первая была маленькой, больше напоминала студию с кинопроектором, за которым дремал старик Вольф. Новый деревянный ящик с несколькими плёнками лежал на полу. Я нагнулся, снял крышку и достал первую плёнку с надписью «РАЙСКИЙ ОСТРОВ».

Усмехнувшись, я откашлялся, и Вольф тут же выпрямился.

– Я не спал, герр Кёлер, честно...

– И зря. У нас много работы.

Я протянул ему плёнку, и он вставил её в проектор.

Вторая комната была по больше и напоминала кинозал. Кроме нескольких бархатных сидений и двери в туалет, а также экрана ничего не было.

У нас было двенадцать фильмов, а в прокат вышли только три.

Первые пять фильмов оказались из Чехии и Польши. Эта порнография. После первых десяти минут я приказал Вольфу отключить проектор, и он это делал, вынимал плёнку. Я поставил печать «ОТКАЗАНО» на катушке и отложил её в сторону. Когда все фильмы заканчивались, я клал запрещённые плёнки обратно в ящик. А потом он отправлялся в печь.

На шестой фильм я дал добро. Седьмому тоже повезло, однако пришлось нам с Вольфом вырезать некоторые диалоги «сексуального характера». Восьмой и девятый фильмы – показ расчленения и кишок – «ОТКАЗАНО». Десятый, одиннадцатый и двенадцатый – порно с участием... только мужчин.

– И как они такое смотрят? – сказал я, положив все «отказанные» плёнки в ящик.

Вольф пожал плечами.

– А ты ещё жалуешься, что у нас слишком жесткая цензура и много работы. Зато ЭТО не смотрим и детям не показываем. Культурная нация – будущее для народа.

В этот момент раздался стук в дверь.

– Да-да, войдите, – сказал Вольф.

Вошёл Орэль с ящиком в руках. Увидев нас, он улыбнулся и поставил его на пол.

– Я как раз шёл к печи, услышал голоса, ну и думаю: а давай-ка я зайду... Я не помешал?

– Нет, – сказал я.

Он сел на ящик. Посмотрел на ящик с плёнками.

– Закончили?

– Ну да. Из двенадцати только три.

– Ого! А почему?

– Одна кровь и порнуха.

– Ясно...

Вольф встал, отдал мне ключи от комнат, попрощался и ушёл. Орэль спросил:

– Что будешь завтра делать?

– Ко мне приедет Лисл, будем проводить время вместе.

– Это хорошо.

Я сел на место Вольфа, подготовил листок для отчёта, который потом секретарь отдаёт министру пропаганды. Там подробно описывались все просмотренные фильмы, особенно разрешённые.

Я услышал, как Орэль сказал:

– Ладно, я пошёл. Увидимся в понедельник.

– Давай, – не оборачиваясь, сказал я.

С кряхтением он поднялся и ушёл.

Закончив отчёт, я вышел в фойе, положил его на пост

Фреджа, который давно уже ушёл (время было за полночь), взял ящик, отнёс его к печи, находившейся этажом ниже (каждый из нас отвечал за ликвидацию запрещённых материалов), закрыл все двери, попрощался с охранником и очутился на тёмной аллее.

глава 2

Суббота, выходной. Мы с женой Хедвиг и младшей дочерью Анели сидели и завтракали, когда постучали в дверь. Я открыл её и увидел на пороге свою старшую дочку – Лисл. Мы обнялись.

– Ангелочек мой, привет! Как тебе идёт короткая стрижка.

– Спасибо, папа. Я недавно постриглась.

Она прошла внутрь, поздоровалась с остальными и села. Я налил ей чай и сел подле неё.

– Ну, как дела? Что нового на работе?

– Волнения, папа, волнения.

– А что такое?

– Это всё из-за слухов о шестидневной рабочей неделе.

Один раз чуть до забастовки не дошло.

Хедвиг прикрыла рот рукой.

– Ну и ну... серьёзно у вас. А как, кстати, твоя пьеса? Написала её?

– Пока нет, но уже больше половины закончила.

– Молодец. – сказала она и поцеловала её.

– А почему ты не рассказываешь про неё? – сказала Анели. – Хоть сюжет расскажи!

Лисл хихикнула.

– Почему ты такая нетерпеливая, а? Всё со временем.

Анели надула губы, но ничего не ответила.

Так, мы провели целый день вместе, сидели на веранде. Говорили о разных вещах, но я чувствовал в Лисл какое-то смущение; она всё время поглядывала на меня. Видать, ждала, когда мы останемся вдвоём, а это получилось только под вечер, когда Анели отправилась спать, а Хедвиг вышла в сад – забыла полить цветы. Мы с Лисл сидели в столовой.

– Папа... – шепнула она, взяв меня за руку, – скажи одну вещь: разрешено ли упоминание в пьесе о Третьем Рейхе?

Я нахмурился.

– Смотря, в каком контексте: если ты сравниваешь, то нет. Если ставишь в хороший пример – нет. Если в плохой – да. А вот если действие происходит в этот период, то точно нет. А что?

– Ну, там идёт как плохой пример.

– Что ж, вероятно, что твоё произведение не сожгут.

– А можно ли поднимать провокационные темы?

– Это, смотря, какие.

– Например... ну, тяжёлые рабочие условия, которые происходят в нашей стране; приведение ситуации с Рейхом...

– Ну нет! Нельзя; тем более, это уже сравнение. Напиши про что-нибудь другое, зачем писать провокации? Ещё потом оштрафуют, а будешь выпендриваться – посадят на годик-второй. Зачем оно тебе?

Она поникла, но ничего не сказал.

Когда она ушла, мы с Хедвиг отправились в спальню, и я

ей рассказал об этом. Она покачала головой:

– Наша Лисл в последнее время не может молчать об этом. Она изменилась, Гоц, и во всём виноват этот её Йенс.

– Думаешь...

– А как же? Скромная молчаливая девчушка встречается с бунтарём из детского дома, у которого была уже условная за кражу, а потом попадает под его влияние. Помнишь, что он твердил о переустройстве?

– Помню, милая, помню. Он ещё тогда сказал, что хочет стать политиком.

– Ну вот. – Она легла в постель. – А повлиять мы на неё уже не можем, к сожалению. Ничего, с возрастом эта дурь выветрится из её головы.

Я прилёг рядом.

– Ты думаешь?

– Не сомневаюсь, потому что в её возрасте я была такой же бунтаркой, как и она. Все подростки такие бунтари, которые вечно ворчат, хотят что-то изменить, а потом замолкают, понимая, что это бесполезно и очень опасно. Ладно, давай поспим.

Я прикрыл глаза, при этом подумав:

«Как бы это бунтарство не зашло далеко...»

глава 3

Прошла неделя, и наступил День Отечества. Три дня выходных! Меня пригласил к себе Орэль; мы созвонились с ним по телефону:

– Приходи ко мне, Гоц, сегодня вечером; с нами будет ещё и Анселл, и Вольф...

– А Фредж?

– Ай, да ты же знаешь этого зануду! Себе дороже. А у меня патефон, несколько бутылочек коньяка, винишко... Ну?

– Хе, звучит заманчиво. Ладно, приду.

С женой я переговорил, она особо не протестовала – всё-таки, я напивался с коллегами не в первый раз.

Я вышел из дома, доехал до Зелёной аллеи – так её называли из-за большого количества парков и садиков. Дом Орэля был очень большим, белокаменным и имел три этажа, хотя Орэль жил один. Проезжаешь через главные ворота мимо охранников по дорожке, ведущей к дому; мимо большого сада с розами, фиалками и орхидеями. Подъезжаешь к крыльцу, паркуешь в сторонке машинку – и готово.

Так я и сделал. Возле крыльца уже стояли машины Вольфа и Анселла, а на самом крыльце меня встретил сам Орэль. Мы пожали руки.

– Ну наконец-то все в сборе! Пошли, они уже ждут нас.

Мы вошли в фойе с очень высоким потолком, лестницей,

ведущей наверх, и расставленными бархатными диванами, на которых сидели Анселл и Вольф.

Мы начали пить. Много пить. Коньяк и вино, вино и коньяк... Вольф после второй бутылки коньяка сразу отключился и повалился на диван. Его громкий храп помешал нам, и мы поднялись на второй этаж, где располагалась маленькая гостиная с меньшим количеством мебели.

Я прекрасно запомнил этот вечер.

Орэль угостил нас конфетами, и мы быстро съели их.

– Кто тебе их привозит? – сказал Анселл. – Они, кажется, заграничные. Из Швейцарии, полагаю.

– Таких конфет точно в магазинах не встретишь, – сказал я. – Где ты их берёшь?

Он ответил не сразу:

– Это подарки.

Глаза у Анселла расширились.

– От кого, чёрт возьми? Я тоже такие хочу!

Он рассмеялся.

– От леди Ауэр.

– Да ну?! Вы встречаетесь?

– Ну да.

– А что мы про это не знаем?

Он пожал плечами.

– Вы не спрашивали... К тому же, она не любит раскрывать свою личную жизнь.

Мы играли в карты, распевали песни, ностальгировали и

просто тупо смотрели в окно, пока не наступила ночь. Я и Анселл разлеглись по диванам, Орэль ушёл в другую комнату.

Я уснул мгновенно...

Я проснулся от головной боли и посмотрел на настенные часы. Три часа ночи, а за окном уже светало. Напротив храпел Анселл; его рот измазан шоколадом. Я усмехнулся и тут же поморщился.

Захотелось в туалет, и я встал. Он, как сказал Орэль, находился в конце тёмного коридора, возле лестницы, ведущей на третий этаж, и я пошёл туда. Закончив все свои дела, я направился обратно по коридору к дивану. Боль немного стихла, и голова прояснилась. Я заметил, что в одной из дверей рядом с туалетом, которая была приоткрыта, просачивался свет, и оттуда доносился храп.

Мне стало интересно, и я легонько приоткрыл дверь.

Зря сделал, друзья, очень зря.

Это место было вроде домашнего кинотеатра, у меня был почти такой же. Возле двери стоял проектор с плёнкой, спереди располагались три бархатных кресла, на которых разлёгся сам Орэль. Плёнка была приостановлена – видать, заело. На экране – приостановленный кадр с... обнажённой девицей в постели. Абсолютно. Без. Ничего.

Не помню точно, что я тогда испытал. Возбуждение? Страх? Шок? Ужас? Смятение? Нет, безразличие.

Но мой взгляд упал на какой-то предмет на полу, довольно-таки большой. Я пригляделся и заметил в полутьме большой ящик, крышка которого была снята. Я подошёл поближе.

В нём лежали плёнки.

Я взял одну и присмотрелся.

Она называлась «РАЙСКИЙ ОСТРОВ».

глава 4

Я почувствовал, как моё лицо исказилось от ярости. Да это же ведь те девять фильмов, что я недавно проверял! Как они у него оказались? Этот вопрос крутился у меня в голове, а больше всего во мне проснулась обида – использование нашего общения для похотливого влечения!

Незаконного!

Я закрыл дверь на замок, чтобы нас не услышал Анселл, подошёл с плёнкой к спящему Орэлю и со всей силой ударил ею его по голове.

Он мгновенно открыл глаза и вскочил.

– А? Что?..

– Что это такое? – Я указал на экран. – Что это? Я тебя спрашиваю, что это?!

Он потёр глаза, несколько раз перевёл взгляд с экрана на меня, и его лицо постепенно побелело; он поджал губы.

– Гоц, я...

– Как это понимать, грёбаный извращенец?

– Не говори...

– О нет, я скажу, если не скажешь...

– Не говори, не надо! Меня же посадят!

– Да, перевоспитают тебя, и через два года выйдешь...

Он схватил меня за руку и сжал её.

– Прошу, Гоц... Я сделаю всё, что ты попросишь, ВСЁ...

– Он вздохнул и отпустил глаза. – Да, я смотрю порно, но...
– Сколько уже? Это твой первый ящик?
– Если честно, да.
– Зачем, Орэль, зачем? Это незаконно!
– Просто... Не могу сказать. Не могу. Я смотрю на голых женщин, у меня всё встаёт, и я чувствую себя... умиротворённым, что ли.

Я закатил глаза.

– Боже, не могу это слышать!
– Не могу я тебе объяснить, это надо испытать.
– Нет, не хочу. Спасибо.
– Пожалуйста, не говори...
– Скажи, почему я должен рисковать своим положением и становиться твоим соучастником?

– Да ведь никто не узнает. – Орэль встал и встряхнул брюки. – Никто. Даже Анселл и Вольф. Гоц, мы с тобой дружим пять лет, и если ты это сделаешь, это будет подло.

– Ты мне угрожаешь?

– Нет. Просто какую радость ты будешь испытывать, если меня посадят? Для тебя никакой тоже выгоды нет, так как это твои плёнки, за которыми ты не уследил. Это же ведь *ты* отвечаешь за их уничтожение, не правда ли?

Наступило молчание. Поняв, что я обескуражен, Орэль едва усмехнулся, но тут же подавил улыбку. Бледность не сходила с опухшего лица. Я посмотрел на ящик, на плёнку в руке: а ведь я тоже буду нести ответственность, могу даже

условно получить, а министр, вероятнее всего, выгонит меня с поста, и куда я пойду? В наше время лучше держаться за свою работу зубами и ногтями.

Я понял, что тоже влип.

– Даже если на меня доложат (если не ты, конечно), я ничего про твой визит не скажу, – угадав мои мысли, сказал он.

Я посмотрел на него.

– Откуда у тебя мой ящик? Я имею право это знать, в любом случае.

– Помнишь, как я пришёл со своим ящиком?

– Ну?

– Я сразу подметил ящик с плёнками, а ведь они-то внешне почти не отличаются! Ну я и, пока ты отвернулся, подменил ящики и ушёл.

– Как ты прошёл мимо охранника?

Он вздохнул.

– Дело в том, что... В общем, я дал ему одну из плёнок.

У меня отвисла челюсть.

– Что-что?..

– Да, я дал ему одну из плёнок, и он пропустил меня.

– Да вы оба извращенцы!

– Спорить с тобой не буду, Гоц...

– То есть получается, что ты отвёз плёнки домой, а я сжёг пьесы?

– Да. Прости меня за это...

– Жестко ты меня подставил, конечно. Больше мне нечего

сказать.

Он опустил глаза в пол.

– Прости. Признаю, я извращённый идиот и плохой друг, прости меня.

– А что теперь сделаешь?

В раздражении я кинул плёнку в стену, и она повалилась с грохотом на пол. Я осмотрелся вокруг и снова повернулся к Орэлю.

– Предлагаю сделать так: мы ничего никому не говорим, даже Вольфу и Анселлу. Ты сжигаешь все плёнки (может, мне удастся тебе помочь с этим), позвонишь (или отдельно потом поговоришь) этому самому охраннику, скажешь, чтобы тот тоже сжёг плёнку. Если будет отнекиваться, поставишь ультиматум, понял?

Тот оживился и посмотрел на меня. Его глаза заблестели.

– Но я даже не все фильмы...

Я не помню, какой бес в меня вселился, но я дал ему звонкую пощёчину. Он сразу замолчал, тупо смотря на меня и проводя пальцами по покрасневшей в свете кадра щеке.

– Ладно, молчу...

– И сделаешь это сразу после нашего ухода.

– А почему не сейчас? Думаешь, что могут проснуться в любой момент?

– Не исключено. После поджога позвони ему, понял.

– Да.

– Молодец, а теперь приберись. Я иду спать.

глава 5

Ближе к обеду я проснулся вместе с Анселлом. Вольф уже давно ушёл, Орэль бодрствовал. Я специально медлил, чтобы Анселл ушёл раньше меня, и когда он так сделал, я обратился к Орэлю:

– Ну?

Он понял намёк и пошёл в кинозал. Я помог ему, развёл на заднем дворе мангал. Он принёс ящик и начал складывать по одной плёнке в огонь. Процесс горения был долгим и утомительным, но мы сделали это.

Как оказалось, Орэль знал телефонный номер охранника, и он позвонил ему, потом спустился ко мне.

– Он сказал, что сейчас же займётся уничтожением.

– Отлично. Ладно, мне надо идти.

– Удачи.

Придя домой, выслушал выговор жены, поел, поиграл с Анели и лёг спать. Следующий день прошёл без приключений, Орэль пока не звонил.

Когда я пришёл на работу во вторник, возле здания стояла патрульная машина.

От страха у меня подкосились ноги, и я сжал кулаки.

Пройдя внутрь, я увидел в фойе сержанта, а рядом с ним стояли охранник и Орэль; в стороне стояли Фредж и ми-

нистр Леманн. Я подошёл к ним.

– А что здесь происходит, герр Леманн?

– Сегодня утром у Августа Айзенбергера (так звали этого охранника) жена нашла плёнку с порнографией из Польши, вызвала полицию. Он только что сказал, что ему дал это герр Гирш, который украл её у вас. А я уже как раз хотел вам позвонить.

«Значит, не сжёг!» – подумал я и облизнул пересохшие губы.

Сержант подозвал меня, и я подошёл к нему.

– Вы Гоц Кёлер?

– Да.

– Отделение зарубежного кинематографа?

– Да.

Его помощник, стоявший в стороне с кейсом в руке, подошёл к нему и, достав из кейса плёнку, протянул ему. Тот дал её мне.

– Это ваше?

– Да.

– Когда она к вам поступила?

– Двадцать второго июня этого года.

– Я так вижу, что вы её уже посмотрели. Что ж... Как хорошо вы знаете герра Гирша и герра Айзнербергера?

– Гирш – мой друг, а с охранником я почти не знаком.

Сержант кивнул.

– Вы должны проехать с нами, герр Кёлер. Нужны пока-

зания, полная информация.

Я посмотрел на Орэля. Он был белее мела и весь дрожал, но его взгляд говорил: «Это бесполезно, Гоц, лучше всё скажи».

– Хорошо, поехали.

глава 6

Я быстро позвонил Хедвиг и сказал, что задержусь. Она начала расспрашивать, но меня торопили, поэтому сказал, что потом всё объясню.

Итак, я поехал вместе с охранником и Орэлем в полицейский участок. Конечно я волновался. Я ещё никогда там не был, но имел примерное представление благодаря фильмам.

Приехали мы быстро, ожидали в коридоре, а потом по очереди нас впускали в комнату для допроса с двухсторонним стеклом. Я пошёл последним. За столом сидел мужчина, представившись, как инспектор Мюллер. Перед самим допросом он сказал:

– Герр Кёлер, ваши показания стенографируют, они также будут использованы в суде.

– Какой у меня статус?

– Сначала всё расскажите, а потом уже определим ваш статус.

Я рассказал лишь про свои догадки (вывернув их в виде рассказа Орэля, как он взял мой ящик). Инспектор меня внимательно слушал, потом сказал:

– Что насчёт ваших посиделок в День Отечества? Вы что-нибудь подозрительное видели?

– Вроде нет... Да я особо-то и не помню – выпил много.

Он прищурился.

- Почему вы уверены, что он подменил ящики?
- Потому что других объяснений я не вижу.
- Вы хоть понимаете, что тогда с вас возьмут штраф?
- Да.

Допрос он закончил не быстро, и когда я вышел на улицу, был вечер. Ничего не было известно, инспектор так и не сказал, какой у меня статус. Орэля и охранника, естественно, не отпустили, и я их так и не видел после допроса.

Подойдя к телефонной будке, набрал номер Леманна, но трубку взял Фредж:

- Министерство...
- Привет, Фредж. Герр Леманн у себя?
- Да, а что?
- Дай ему трубку.
- Сейчас... Кстати, как ты? Мы с Анселлом беспокоимся за тебя.

– Завтра расскажу, а сейчас я пойду домой. Допрос сильно утомил.

– Понял.

Некоторое время было тихо, а затем послышался голос Леманна:

- Ну что там, герр Кёлер?
- Нас троих по отдельности допросили. Меня потом отпустили, а они, конечно же...

– Понял. Боже, ну и извращенцы! Надо же было воспользоваться и своим, и вашим положением. Ужас, не то слово...

Кстати, а как у него оказались ваши плёнки?

– Он приходил ко мне, и когда я отвернулся, взял ящик, подменил на свой. Другого варианта я не нахожу. Что за это мне будет?

– Полагаю, штраф за не усмотрение. Где-то около 45000 марок.

– Как много!

– Я постараюсь договориться с судом и срезать её хотя бы до 20000. Мне жалко тебя, сынок.

Впервые он обратился ко мне на «ты». Я был польщён.

– Спасибо вам большое... Может, вы подумаете, что это наглость, но... Можно я завтра выйду на работу?

– Ещё спрашивает! Конечно можно, только у вас пока «хвост». – Он перешёл на деловой тон.

– Понял, спасибо.

Я положил трубку и поехал сначала до министерства своим ходом, а на машине уже добрался до дома. Я всё рассказал Хедвиг; она лишь сидела и тихо качала головой.

– Такой большой будет штраф! Мы, конечно, в состоянии его выплатить, но это сильно ударит по карману!

– Надеюсь, у герра Леманна получится договориться.

– Ты ему не рассказывал про то, что видел у Гирша свои плёнки?

– Что ты, нет! Слишком будет рискованно.

– И то верно.

глава 7

На следующий день, когда я пришёл на работу, Фредж, Анселл и Вольф накинулись на меня с расспросами о вчерашнем. Нехотя я всё им рассказал, затем спросил:

– Никто из полиции не звонил?

– Пока нет, – сказал Фредж.

Мы с Вольфом удалились к себе – у нас было целых пятнадцать фильмов из Италии, США и СССР (с учётом «хвоста», конечно). Я смотрел фильмы, но это давалось мне с трудом. Казалось, что с Вольфом было также. Картинка плыла перед глазами, а наши мысли улетели уже прочь...

Во время перекура телефон рядом с проектором зазвонил, и я взял трубку:

– Отделение зарубежного кинематографа, Министерство пропаганды и цензуры. Говорит Гоц Кёлер.

– Ах ты скотина! – сказала какая-то женщина. – Это всё *ты*, я знаю!!!

Я нахмурил брови.

– Кто вы?

– Тот, кто сделает твою жизнь хуже, чем в аду!

– Вы угрожаете мне? Что ж, у меня есть основания донести до вас...

– Уже донёс до моего любимого!

– Да кто вы? – сказал я, начиная терять терпение.

– Фройляйн Ивон Ауэр.

– Та самая леди Ауэр? Светская льви...

И я понял. Это любовница Орэля.

– Да, и я вас...

– Послушайте, не я донёс до вашего любовника, понятно?

Это не я.

– Да ну? А кто?

– Август Айзенбергер.

– Не глупи, сынок. Он не такой дурак, чтобы оставить плёнку.

– Ну, похоже, вы его плохо знаете. С чего вы взяли, что это я сделал?

– Да потому что тебе выгодно было!

– А вот и нет, моя дорогая! Мне придётся платить штраф...

– Бедненький! А мой Орэль будет сидеть! *Сидеть!* Да это же позор! Теперь и меня будут обвинять: мол, встречалась с уголовником. Ещё и я под следствием.

– Почему?

– Подозревают, что я скрывала информацию.

– Буду надеяться, что всё подтвердится.

– Взаимно, сукин сын!

– Тогда почему вы не обращаетесь в полицию, если знаете, что я тоже не без греха?

Она ответила не сразу:

– Ну нет, это слишком просто, – к тому же нет доказа-

тельств, как, впрочем, и в моём случае. Но я тебе, поверь на слово, устроят взбучку, да такую... Ой-ой-ой! У меня есть связи, очень обширные связи.

– Напугали ежа!

– Да как ты смеешь разговаривать так с заслуженной актрисой...

– А как вы смеете так разговаривать с помощником министра, дамочка? Знаете, у меня тоже есть связи, причём посерьёзнее ваших!

Я повесил трубку и повернулся к Вольфу. Я тяжело дышал, лицо покраснело. Вольф удивлённо смотрел на меня, но не произнёс ни слова.

глава 8

Пришёл я домой попозже, и на крыльце меня уже ждала Хедвиг. Она покусывала губу.

– Про тебя рассказывали по телевизору.

Я остановился на полпути.

– В смысле?

Она кивнула.

– Заходи, я тебе расскажу.

Я прошёл в дом, разделся и положил кейс в сторону. На кухне мы сели за стол; было поздно, Анели спала. Хедвиг меня взяла за руку.

– По телевизору показывали Голубую Аллею, там была одна персона по имени – как её? – Ивон Ауэр.

Она сделала паузу, но на моём лице ни один мускул не дрогнул.

– Она мне сегодня угрожала.

– Да ну? Как?

Я пересказал ей этот диалог. Она побарабанила пальцами по столу, и я взял её за руку.

– И что она обо мне говорила?

– Рассказала, что ты посадил этого Гирша, испортил ей жизнь; она проклинала тебя, на чём свет стоит, назвала нашу семью «паразитами, которые живут за счёт работяг».

Я вскочил. У меня всё кипело от ярости.

– Вот скотина! Семью трогать – это слишком!

– Не ори, милый, не ори.

Я провёл рукой по волосам.

– Да как тут не орать-то? Я не позволю этой шлюхе позорить меня и нашу семью на её предубеждениях. Завтра я тоже о ней словечко замолвлю, увидишь...

Это произошло быстрее, чем я ожидал. По дороге к зданию министерства меня остановили несколько молодых журналистов с камерами.

– Герр Кёлер, у меня к вам вопрос...

– Герр Кёлер, это правда, что говорила...

– Герр Кёлер, что вы можете сказать...

– Герр Кёлер, что вы думаете...

– Стоп! Не все сразу!

Я аккуратно припарковался за два квартала до здания министерства и вышел из машины.

– Итак, джентльмены, записывайте: леди Ауэр на своих предубеждениях и без доказательств обвинила меня в том, что я подставил её любовника, однако это сделал его соучастник Август (фамилию, пожалуй, не буду афишировать), он работает у нас охранником.

– У него были плёнки?

– Только одна, и он её не уничтожил вовремя. Так вот, её обвинения заделали меня. Да это ничего по сравнению с тем, что она сказала про мою семью! Да это удар ниже пояса –

оскорблять ни в чём не повинных родственников! Разве она сама не живёт за счёт этих самых работяг? Я-то хотя бы защищаю наш народ от зарубежного экранного разврата, а она только выступает в пьесах раз в месяц. Это не паразитизм?

– Что вы планируете предпринять в отношении леди Ауэр?

– А что я могу сделать? К сожалению, не дают штрафы за публичные оскорбления или клевету, как это делается в других немногих странах. Я только хочу сказать: в деле Гирша я чист, хотя и придётся платить штраф, а вот леди Ауэр за клевету должно быть стыдно. Я всё сказал.

Не смотря на протесты и вопросы журналистов, я сел в машину и поехал на работу.

До конца рабочего дня оставалось полчаса. Я сидел и смотрел испанский фильм, пока не понял, как зазвонит телефон. Я услышал только голос Вольфа:

– Вам кого?.. Кёлера? Извините, как вас зовут?.. Вы его супруга, да? Извините, но он сейчас занят... Фрау Кёлер, он не... Ладно, хорошо...

Он открыл дверь в зал, и я словно по сигналу вскочил, зашёл в смежную комнату и взял трубку. Вольф остановил плёнку.

– Что такое?

– Милый, Лисл показывали по телевизору.

– Да ну? И?

– Она вместе с этим Йенсом... на митинге возле своей фабрики.

глава 9

Едва Вольф успел и слово сказать, как я выбежал из кабинета и ринулся к выходу. Новенький охранник перегородил мне дорогу:

– Герр...

Я грубо толкнул его в сторону и выбежал из здания, сел в машину. Руки тряслись, и я вцепился в руль.

Ткацкая фабрика, в которой во время учёбы подрабатывала моя дочь, находилась в восьми кварталах от здания Министерства. Подъезжая к седьмому, я услышал ругательства и крики, а также голос полиции:

– Прошу вас, разойдитесь!

Я подъехал ещё ближе, к ограждению, вышел из машины и побежал. Вдалеке я увидел большое серое пятно – словно слившуюся в единую биомассу толпу с плакатами и лозунгами, и их окружали синегвардейцы с дубинками в руках. Они выталкивали одного из толпы, пинали и заталкивали в грузовики, которые отъезжали в полицейский участок. При мне так поступили с один молодым рыжиком, и я узнал в нём Йенса Даммера.

Грузовик уехал, и я обошёл здание, оказавшись поближе к серой толпе. Не в силах совладать с собой (мою дочку уже арестовали?) я встал на цыпочки и закричал:

– Лисл!

Сзади меня кто-то схватил за руку и оттащил в сторону.

– Что ты тут делаешь, папа?! Уходи!

Мы выбрались из самой гущи толпы, оказались почти за её пределами. Я отдёргнул руку.

– Что *ты* здесь делаешь?

– Не хочу больше и дольше горбатиться за ту же зарплату.

– Это тебя Йенс надоумил, да? Это его идея, участвовать в митинге? А своих мозгов у тебя нет?

Лисл надулась.

– Это была моя идея, а он её поддержал. Папа, уходи!

– Нет, милая, пошли вместе. – Я дёрнул её на себя, но она даже не сдвинулась с места. – Я кому сказал...

– Нет, я не уйду!

– Да тебя же арест...

В этот момент на меня налетел один из синегвардейцев и повалил на землю. Я упал, стукнувшись головой, и перед глазами появились искры. На долю секунды мне показалось, что сейчас на меня наденут наручники, но он схватил Лисл за руки и достал их из кармана. Она попыталась его укусить, но он резко дёрнул её, и она чуть не упала.

Я приподнялся на локтях.

– Эй, не трогай её, тварь!

Он надел на неё наручники и, достав одной рукой дубинку, угрожающе помахал ею перед моим носом.

– Ох, как я вам не советую вмешиваться, герр Кёлер! Вы и так влипли!

– Да я тебя...

Я вскочил на ноги, и он меня толкнул, но сильнее. Я снова повалился. Пока пытался подняться, он уже уводил мою Лисл к грузовику; она пнула его в колено, а он один раз ударил её дубинкой по спине. Она ссутулилась. Я снова поднялся на ноги, подбежал к ним, схватил Лисл за руку и начал вырывать её.

Подбежали двое других и увели меня в сторону.

Лисл посадили в грузовик и увезли, а меня отпустили.

глава 10

Я приехал в здание Министерства и начал обзванивать всех прокуроров – всех, кого можно было обзвонить. Фредж бегал вокруг меня со стаканом воды, пытаясь усадить в кресло, но я не выдержал и облил его лицо водой.

Наконец мне удалось узнать, где её держали, и я поехал туда.

Я знал дорогу, потому что там уже был по делу Гирша.

Едва я зашёл в полицейский участок, как столкнулся с инспектором Мюллером. Вид у него озадаченный.

– Герр Кёлер, как хорошо, что вы пришли! Я хочу сказать, что вы теперь проходите по делу Гирша в качестве свидетеля...

– Да плевать я хотел на это!

Глаза у него расширились.

– Что-то случилось?

– У вас моя дочь!

– А-а, Лисл Кёлер. Я её уже допросил.

– Где она? Где?!

– Придержите коней, герр Кёлер. Она в камере.

Я схватил его за грудки. Ко мне подбежал один полицейский и оттолкнул в сторону. Мюллер отряхнулся.

– Вы с ума сошли, герр Кёлер! Да вы не имеете права поднимать...

– Сукин ты сын, освободи мою дочь!

– Я-то здесь причём? Она нарушила закон и пошла против правительства.

– Да вы так говорите, будто она покушалась на президента!

Он усмехнулся.

– Слава богу, нет, но она пошла против его законов, а это – тюрьма от четырёх лет.

– За то, что она участвовала в митинге? Только за это?! Она даже никого не тронула, о чём вы, мать вашу, говорите?!

Лицо Мюллера сделалось каменным.

– Не забываетесь, господин Кёлер. Кстати говоря, она тут сказала пару слов о своей пьесе и знаете, про что там? Нет? Там про пожилого джентльмена, который прожил в Третьем Рейхе, а после войны отправился сюда, в Арбайтенграунд. И знаете, что? Он беседует со своим новым другом, и они обсуждают, как схоже в некоторых отношениях наше государство с Рейхом! Это недопустимо, герр Кёлер, никак нет! Поэтому после обыска в её квартире пьесу, которую, скорее всего, найдут, уничтожат.

Примерно эти слова я и ожидал услышать. Всё равно было неожиданно. С гордо поднятой головой он развернулся, но, прежде чем уйти, бросил через плечо:

– Когда будут судебные процессы по делам вашей дочери и Гирша, я или прокурор вам сообщим.

Я взвыл, словно раненый зверь, бросился к выходу.

глава 11

Дома ко мне на шею со слезами на глазах бросилась Ане-ли. Рядом стояла Хедвиг, нервно теребя подол платья.

– Папа, её арестовали?

Я сглотнул.

– Да, малыш, арестовали.

Она уткнулась мне в плечо и заплакала; Хедвиг прикрыла лицо рукой и отвернулась.

Пришёл я домой рано – я отпросился, как только пришёл с полицейского участка. Я чувствовал себя обескураженным и опустошённым; от последних событий просто руки опустились. Стоя посреди гостиной, обнимая дочку и приглаживая жену, я плакал.

На следующий день во время завтрака я раскрыл свежую газету, быстро пробежал по ней глазами. Митинг блистал на всех страницах; там упоминалось о моей дочери и сыновьях министра социального обеспечения. Также я нашёл слова леди Ауэр об этом:

«Я прекрасно понимала, что этим и закончатся волнения из-за пустых слухов.

Но то, что там была дочь этого Кёлера... Шок! Не то, что шок – ужас! А тут ещё выяснилось про эту самую пьесу, которую скоро сожгут. Ужас, а не девочка!

Что тут сказать? Вся в своего папашу, чтоб ему... А что касается этих его слов в мой адрес, то он по большей части неправ. Я не паразит, я не позволю так говорить в свой адрес!

Уверяю вас: он донёс на Орэля, ОН! Ну теперь Бог ему отомстил...»

Дальше я не мог читать; я разорвал газету пополам и выбросил в мусорное ведро.

...По дороге к зданию меня опять встретили журналисты. Я вышел из машины и, откашлявшись, сказал:

– Эта Ауэр... Она сыграла на моём горе. Молодец она, сукина морда!

Я снова сел за руль.

глава 12

Состоялся судебный процесс над Орэлем. За несколько часов я с ним встретился возле зала суда; вид у него был очень печальный.

– Сочувствую я тебе, Гоц... Это насчёт дочери.

– Спасибо, но я был бы тебе больше благодарен, если бы ты убедил свою эту Ивон...

– Я знаю, Гоц, но... Я пытался, поверь, много раз! А она считает, что я тебя как друга до последнего прикрываю.

Я закатил глаза.

– Что за бред!

– Во-во, и я также ей говорю во время свиданий, а она... Понимаешь, она женщина очень упёртая и...

– Нет, не понимаю, – отрезал я, и ушёл.

Суд вынес такой ему приговор: три года тюремного заключения, а мне – штраф в размере 15000. Хотя что-то... На судебном заседании Ауэр плакала и искоса смотрела на меня, а когда вынесли приговор, она выбежала из зала. Перед тем, как Орэля вывели, он посмотрел на меня: его глаза были полны сожаления и ужаса. Я едва заметно ему кивнул.

А от Ауэр несколько дней не было вестей. Это даже и к лучшему – мы готовились к судебному процессу над Лисл; я заплатил штраф. Мне удалось её встретить на следующий

день после приговора Орэлю. Она сидела в камере и тупо смотрела в противоположную стену. За нами наблюдал один из полицейских.

Увидев меня, она оживилась и подошла к решётке.

– Папа!

Мы немного всплакнули, и я сказал:

– Зачем всё это? Теперь тебя посадят, а я ничего не смогу сделать!

– Пап, просто... Надоела такая жизнь, надоела. Когда ты горбатишься на работе и получаешь по несколько пфеннигов в неделю...

– Да ты всегда жила в достатке! А пошла работать по своей воле, хотя я могу тебя обеспечивать.

– Я не хочу быть от кого-то зависимой, пойми! Да, я живу в достатке, а как же большая часть населения страны? Они именно так и живут!

– Лучше о себе думай. И вообще, ты говоришь словами Йенса!

– С чего ты...

– Да потому, что при каждой встрече он мне это заливал в уши.

Она помолчала.

– Я пошла на это по своей воле, и он здесь не причём...

– Но он помог тебе, подтолкнул к этому.

– В какой-то степени да, и всё же...

– Что?

– Он не внушал и не заставлял, и у меня был выбор... И ещё: я начала писать эту пьесу задолго до знакомства с ним.

– Кстати, а о чём ты думала, когда писала её?! Её сожгут, понимаешь? А тебя, так как ты совершеннолетняя, помимо срока припишут штраф до 45000 марок!

– А я и не собиралась опубликовывать её.

– Тогда зачем спрашивала меня насчёт Рейха?

– Сначала хотела, но потом поняла, что... Нет, ничего не выйдет. Я... я хотела просто показать это, может, даже копии сделать для своего окружения: друзей, коллег...

– Да это до пятнадцати лет тюрьмы! – Я нагнулся к её лицу и заговорил тише: – Твоя пьеса... послужила этому митингу?

– Я её дала только Йенсу, но он ничего не кому не говорил и не давал.

– Ты уверена?

– Абсолютно. Потому что он после прочтения копии сжёг её при мне.

Со вздохом я выпрямился.

– Мы по тебе скучаем: я, мама, Анели... Не пойму я тебя, милая, не пойму. Прости.

На её глазах появились слёзы. Я не выдержал и отвернулся, подумав:

«А сам прикрывал преступника несколько дней! Ещё легко отделался...»

Состоялся суд, и её посадили на пять лет. Сердце у меня

сжималось при виде её бледного лица! Я прекрасно знал, что день назад судили Йенса, и его посадили на шесть лет. Возможно, он был даже инициатором митинга, но ничего не известно насчёт этого. Со мной была Хедвиг, а Анели просто не впустили. Но они обе обливались слезами.

Когда заседание закончилось, я только тогда оглядел присутствующих в зале и заметил среди них... Ауэр!

У меня сердце в пятки упало.

«Ну, всё, сейчас побежит к журналистам».

Выйдя из зала, я нагнал её и больно схватил за руку, отвёл в сторону, к стене. Она повернулась ко мне: на её лице застыл ужас.

– Что вы...

– Только попробуй, слышишь?! Только попробуй что-нибудь сказать журналистам, попробуй! Я из тебя все потроха...

– Да успокойся, не буду я ничего говорить!

Она отдернула мою руку. Я застыл, как вкопанный.

– Да. Мы оба поквитались: наши близкие в тюрьме, поэтому... смысл продолжать?

Я побелел от ярости.

– Да не сажал я твоего Орэля!

– Не ори. Не хочу ничего про это слышать, понял?

– Да я не...

– Он тоже так говорит!

– Да это...

Она нахмурилась и махнула рукой.

– Послушай, я пришла сюда, в зал суда, с миром, ясно? Я даже посочувствовала этой бедной глупенькой девочке, которая уже всё перечеркнула в своей жизни. Я пришла с миром. С миром.

Меня трясло, но мне каким-то чудом удалось сдержать себя. Я набрал побольше воздуха в лёгкие.

– Что ж, надеюсь, вы меня больше не тронете.

– Взаимно.

Я направился к выходу, где ждала меня Хедави́г.

– Ну что?

– Она нас больше не побеспокоит. Хе, сделала одолжение!

Мы вышли из здания суда и поехали домой.

На следующий день я узнал, что нашли её пьесу и сожгли.

Оно и к лучшему.